

Бестселлер The New York Times

БОГ НИКОГДА НЕ МОРГАЕТ

*50 уроков,
которые изменяют
твою жизнь*

РЕГИНА БРЕТТ

дважды финалист Пулитцеровской премии

Пятьдесят уроков

- Урок 1** Жизнь несправедлива, но все равно хороша
- Урок 2** Когда сомневаешься, просто сделай следующий правильный шаг
- Урок 3** Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ненависть
- Урок 4** Не будь слишком строг к себе: никто так не делает
- Урок 5** Погашай задолженность по кредитке ежемесячно
- Урок 6** Необязательно побеждать в любом споре: останьтесь каждый при своем мнении
- Урок 7** Не лей слезы в одиночку, поплачь с кем-нибудь: так справиться с горем легче
- Урок 8** На Бога злиться можно: Он это выдержит
- Урок 9** Самый главный половой орган – это мозг
- Урок 10** Бог никогда не дает нам больше, чем мы можем выдержать
- Урок 11** Примирись с прошлым, чтобы оно не испортило тебе настоящее
- Урок 12** Позволяй детям видеть твои слезы
- Урок 13** Не сравнивай свою жизнь с жизнью других: ты понятия не имеешь, каков их путь
- Урок 14** Если ваши отношения должны храниться в секрете, тебе не нужны такие отношения
- Урок 15** Все может измениться в мгновение ока, но не волнуйся: Бог никогда не моргает
- Урок 16** Наш век слишком короток для долгой жалости к себе: занимайся жизнью или занимайся смертью
- Урок 17** Ты можешь выдержать все, что жизнь тебе уготовила, если будешь жить настоящим и не станешь заглядывать в будущее
- Урок 18** Писатель - это тот, кто пишет. Если хочешь быть писателем – пиши
- Урок 19** Никогда не поздно для счастливого детства, но твое второе детство зависит только от тебя и ни от кого другого

- Урок 20** Когда стремишься к тому, что любишь, не принимай ответа «нет»
- Урок 21** Зажги свечи, постели красивые простыни, надень необычное белье. Не береги ничего для особого случая: именно сегодня – особенный день
- Урок 22** Подготовься ко всему, а потом доверься течению
- Урок 23** Будь эксцентричным сейчас: чтобы носить фиолетовое, не надо ждать старости
- Урок 24** Начни откладывать 10% на старость, как только получишь первую зарплату
- Урок 25** Твое счастье в твоих руках – и только в твоих. Ты исполнительный директор своей судьбы
- Урок 26** Каждый раз, когда сталкиваешься с так называемой «катастрофой», спрашивай себя: «Будет ли это хоть сколько-нибудь важно через пять лет?»
- Урок 27** Всегда выбирай жизнь
- Урок 28** Прощай все и всем
- Урок 29** Что о тебе думают другие, не твое дело
- Урок 30** Время лечит почти все, дай только времени время
- Урок 31** Как бы хороша или плоха ни была ситуация, она изменится
- Урок 32** Работа не позаботится о тебе, когда будет плохо, а друзья помогут. Не теряй их
- Урок 33** Верь в чудеса
- Урок 34** Бог любит тебя не потому, что ты что-то сделал или не сделал, а потому что таков Он есть
- Урок 35** То, что не убивает, действительно делает тебя сильнее
- Урок 36** Дожить до старости – более заманчивая перспектива
Умереть молодым – это выглядит красиво только в кино
- Урок 37** У твоих детей только одно детство. Сделай его запоминающимся
- Урок 38** Читай псалмы: неважно, какого ты вероисповедания, ведь они охватывают все человеческие эмоции
- Урок 39** Выходи прогуляться каждый день: чудеса ждут, чтобы ты их обнаружил

- Урок 40** Если бы мы все свои проблемы свалили в кучу и посмотрели на чужие, мы бы с кулаками кинулись отбивать собственные
- Урок 41** Не анализируй жизнь. Живи настоящим на всю катушку
- Урок 42** Избавься от всего бесполезного, безобразного и безрадостного
- Урок 43** В итоге единственно важно только одно: что ты любил
- Урок 44** Зависть – это пустая трата времени: у тебя уже есть все, что по-настоящему необходимо
- Урок 45** Лучшее впереди
- Урок 46** Как бы ты себя ни чувствовал, поднимайся, одевайся и иди навстречу жизни
- Урок 47** Дыши: это успокаивает разум
- Урок 48** Не попросишь – не получишь
- Урок 49** Уступай
- Урок 50** Жизнь не повязана бантиком, но все равно это подарок

Урок 45

Лучшее впереди

Когда-то я услышала историю о женщине, которая готовила восхитительные блюда, смотрела, как родные наслаждаются каждым кусочком, а потом, до того, как они начнут убирать со стола, объявляла: «Не откладывайте вилки! Лучшее впереди!».

Она имела в виду десерт. Но то же самое можно сказать и о жизни.

Большую часть своей жизни я редко рассчитывала на десерт. Когда была маленькой, десерт нам давали по праздникам, в дни рождения, а в будни – очень редко. Главным блюдом было мясо и картошка. Всегда картошка. Папа покупал сразу мешок в пятьдесят кило. Мама изо всех сил старалась превратить это в разнообразную еду и накормить одиннадцать детей. Папа дал нам крышу над головой, мама – чистые простыни на кроватях и полноценное трехразовое питание. Нам не подтыкали одеяло, не пели колыбельных – никакой роскоши. Почти не было времени на то, чтобы узнать маму.

В большой семье детей любят как группу, никого не выделяя. Когда у мамы с папой, кроме тебя, есть еще пять дочек и пять сыновей, отношения строятся особым образом. У нас не было такой связи, когда хочется вместе походить по магазинам или сделать

маникюр. У нас не было таких доверительных, дружеских отношений, как у многих матерей и дочерей. Я прожила почти пятьдесят лет, и все эти полвека я была ее дочерью, но все равно в какой-то мере отстранялась. Это были не плохие отношения. Просто никакие.

Того, чего другим женщинам не хватает после смерти матери, я никогда в полной мере не ощущала, хотя моя-то мама жива. Я долгие годы любила ее неуклюжей любовью. Я уже стала взрослой, так что здесь проблема была во мне, а не в маме.

Часть меня хотела улучшить наши отношения. Другая часть уже оставила попытки. Десятилетиями я ждала, пока мама сделает первый шаг. Ждала больше половины жизни. Мне ли нужно было восстанавливать отношения? Или это должна была делать она? Они не были испорчены, роста изначально не были в полной мере развиты.

Все эти годы я спрашивала о своей проблеме других: советников, духовных наставников и монахов во время моих поездок по уединенным обителям. Я рассказывала об отсутствии теплоты в нашей связи. Все они давали мне один и тот же совет: смирись с теми отношениями, которые есть. Не обязательно иметь тесную связь с матерью.

Но ведь такая связь была у всех остальных. Есть ли надежда, что и мы с мамой этого достигнем?

Моя подруга Суэллен предложила составить список благодарностей. «Это в духе Опры Уинфри», - подумала я. Суэллен сказала, что результат будет потрясающий. Сосредоточься только на том хорошем, что сделала для тебя мать, и внеси в список все, включая даже самые незначительные мелочи.

Первым делом я написала, что благодарна маме за подаренную мне жизнь, за то, что она меня оставила и кормила. Тут я забуксовала. После меня у мамы родилось шесть детей, и я потерялась среди них.

Время от времени я добавляла несколько пунктов к своему списку, но в целом этот перечень приносил разочарование и постоянно напоминал, как мало мама участвовала в моей жизни.

Близился ее день рождения. Большая цифра – семьдесят пять. Сестра в Колумбусе готовила вечеринку. Моя задача состояла в том, чтобы привезти маму. Дорога занимала два с половиной часа. У меня все внутри похолодело. О чем мы сможем говорить столько времени? Мы были почти как незнакомки. Я даже не знала, что ей купить. Я понятия не имела об ее вкусах в украшениях, одежде, музыке. До вечеринки оставался всего день, а я так и не подобрала подарок.

Поэтому я сделала подарок, какие преподносят все писатели. Я написала.

Накануне празднования я откопала этот список благодарности и села за компьютер. Я не ложилась, пока не вспомнила семьдесят пять вещей, которые мне нравятся в маме. Перечислила всех братьев и сестер – сразу десять пунктов. Чем больше я печатала, тем больше пустой колодец в моем сердце наполнялся воспоминаниями, важными и незначительными. Одни заставляли меня смеяться, другие – плакать. Когда я закончила писать, было три часа ночи. Я распечатала результат своего труда, свернула трубочкой и повязала лентой. Еще распечатала скачанный из интернета перечень самых важных событий, произошедших в 1930 году – в год ее рождения. Потом сделала сертификат на день покупок и шалостей и все это упаковала.

Назавтра я купила в магазине игрушек маленькую пластмассовую корону, чтобы она на один день сделалась Королевой-матерью. Я хотела, чтобы мама почувствовала себя особенной, но не была уверена в результате. Дни рождения ей всегда давались непросто. Когда я была маленькой, папа вручал нам деньги, чтобы мы купили ей что-нибудь, но что бы мы ни выбрали, мы никогда не оправдывали ее ожиданий. Дни рождения как будто приносили маме какое-то тайное горе, и поэтому она не могла веселиться.

Часть меня надеялась на лучшее, но большая часть до смерти боялась худшего. Меня пугала возможность того, что в этот день рождения она не будет счастлива, как бы мы ни старались.

Муж отвез меня к маме. Она все так же жила в доме, где все мы выросли. На протяжении долгого пути в Колумбус Брюс поддерживал разговор. Он расспрашивал маму о жизни и заставлял ее говорить.

Мама стала рассказывать истории, которых я никогда не слышала. О том, как трудно было расти на ферме родителей-иммигрантов, которые не умели читать и писать по-английски. Как трудно было, когда три брата ушли на войну, и несколько лет о них ничего не было известно. И как было трудно, когда ее единственная сестра переехала. Только мама ни разу не произнесла слова «трудно». Просто такова была ее жизнь.

К тому моменту, когда мы приехали к сестре, я почувствовала, насколько мало я знала о женщине, подарившей мне жизнь.

На вечеринке я водрузила на ее голову игрушечную корону, и мы назвали ее Королевой-матерью. Мама целый день ее не снимала и улыбалась так, как будто действительно стала королевой. Мы болтали, ели торт, а потом она открыла подарки. Мои братья и сестры точно знали, что она хотела получить: платье, блузку, книгу.

Когда я потянула маме свиток о жизни в 1930 году, она погрузилась в воспоминания. Она родилась в год, когда Нэнси Дрю начала разгадывать тайны, Бэйб Рут стала зарабатывать восемьдесят тысяч долларов в год, а Кларенс Бердсай изобрел новый метод замораживания продуктов. В том году был открыт Плутон, а ученые предсказали, что к 2050 году человек побывает на Луне.

Все мы от души посмеялись. И тут на меня что-то нашло. Вместо того, чтобы вручить маме список благодарности, я развернула его и зачитала вслух.

«Семьдесят пять лет!!! Их ты наполнила столькими подарками! За все это я благодарю тебя, а еще благодарю Бога за то, что Он дал мне тебя».

Я поблагодарила ее за то, что она стала мамой-домохозяйкой и отказалась от той карьеры, которую хотела бы сделать. За то, что она была с папой столько лет, когда женщины по всей стране разводились из-за мелочей.

За то, что она клала нам в корзинки шоколадные пасхальные яйца и играла роль зубной феи. За то, что она каждое Рождество делала таким волшебным, нам даже слышался стук оленьих копыт по крыше. За то, что давала нам деньги на рождественские подарки друг для друга, чтобы мы поняли: суть этого праздника именно в даянии.

За то, что научила нас менять ребенку подгузник, не навредив ни себе, ни малышу. За то, что, ни с того ни с сего, начинала отплясывать польку в гостиной. За то, что познакомила нас с песнями Перри Комо, братьев Миллсов и Митча Миллера. За то, что счастливо напевала в кухне, и это была лучшая музыка на свете.

За то, что делала домашние томатный суп, ореховый рулет и сосиски в тесте. За то, что вязала крючком Вифлеемские звезды для наших елок и покрывала для наших кроватей. За то, что разрешала нам каждый день смотреть «Три бездельника».

За то, что ежедневно будила нас в школу, иногда по пять раз за утро. За восхитительный каллиграфический почерк в каждой школьной записке – он был слишком красив, чтобы пытаться подделать. За то, как волновалась, если мы забывали школьный проект, расходились с парнем или встречались не с тем человеком.

За то, что разрешала нам использовать пустые бутылки из-под чистящих средств в качестве водяных пистолетов. За то, что не ругала нас даже тогда, когда мы во дворе запускали шутихи. За то, что не всегда выдавала нас папе.

За то, что научила нас не держать холодильник открытым: это ведь не кондиционер. За то, что терпела, когда мы разучивали задание на фортепиано. За то, что мыла нам головы в кухонной раковине, пока в ванной не появился душ. За то, что познакомила меня со своей любимой колумнисткой Эрмой Бомбек.

За то, что лечила наши болячки «Бактином» и поцелуем. За то, что открывала нам дверь в два часа ночи и не задавала никаких вопросов до самого утра. За то, как беспокоилась, когда мы теряли домашнюю работу или забывали ланч дома.

За то, что не разрешала бегать с ножницами, покупать пневматический пистолет и облизывать металлические предметы зимой. За то, что следила, чтобы нас не ударила молния, чтобы мы не ослепли из-за закрывающей глаза длинной челки и не оказались на приеме у врача в грязном белье.

За то, что не выгнала меня, когда узнала, что я беременна. За то, что была со мной в роддоме, когда начались схватки. За то, что несколько лет сидела с моей дочкой, пока я возвращала свою жизнь на правильные рельсы.

За то, что помогла каждому из нас развить все самое лучшее. За то, что прощала нас, когда мы вели себя отвратительно. За то, что молилась о нас тогда, когда мы даже и не знали, что нам нужны молитвы. За то, что любила нас всех одинаково и никогда не показывала, что меня любит больше всех.

Мамина улыбка просто сияла, когда братья и сестры стали добавлять свои пункты к моему списку. Когда они начали делиться своими собственными особыми моментами и воспоминаниями, наш праздник превратился в настоящий фестиваль любви.

По дороге домой мама говорила мало. Брюс включил диск с саундтреком к ее жизни: Фрэнк Синатра, Нат Кинг Коул, Элла Фицджеральд.

Я тоже почти ничего не говорила. Я размышляла об этой женщине. Я никогда не думала о ней как о девочке, которой приходилось читать телеграммы родителям-иммигрантам из Чехословакии, что ее брат Чак попал в немецкий лагерь для военнопленных, что ее брат Майк заразился малярией на войне, где-то за океаном. К десяти годам она осталась на этой большой ферме одна с родителями, которые были чужими для Америки. Как ей, наверное, было одиноко!

В тот воскресный вечер, когда мы отвезли ее домой, я увидела в ней нового человека, которого я могла бы узнать лучше. Она казалась мне совсем другой. Я сказала: до завтра. На следующий день после вечеринки, то есть в понедельник, как раз и был ее день рождения. Я пообещала, что мы вместе ходим по магазинам.

Но в это же воскресенье поздно ночью Брюс загремел в больницу из-за камней в почках. Я несколько часов просидела с ним в кабинете неотложной помощи, пока его не приняли. Я легко могла отменить поход по магазинам. Мама поняла бы. Может, ей даже было бы все равно. Но я знала, как много раз ее подводили, так что не могла не приехать. Искушение было сильное. Отчасти потому, что мой муж оказался в больнице, но скорее потому, что я боялась. Я хотела удержать начало новых отношений с женщиной, которую мы вчера подбросили до дома. Что если я пойду с ней по магазинам, и все это опять выцветет до прежнего состояния, до *tabula rasa*?

Я должна была приехать. Я обещала. Дорога до маминого дома занимает час, и весь этот час я гадала, как сумею выдержать целый день покупок. Я ненавижу торговые комплексы.

Когда я остановилась у маминого дома в десять утра, она уже ждала меня на пороге, вся нарядная, сумочка в цвет блузки, на шее жемчужная нитка. Мама превратила кофейный столик в гостиной в маленький алтарь. Она расстелила салфеточку и поставила цветы рядом со своими короной и свитком с благодарностью. На рабочем столе лежал раскрытый ежедневник. Всю страницу 15 августа, ее день рождения, занимала одна запись: «покупки с Региной». Я проглотила слезы и стыд: ведь я едва не отменила эту встречу.

И мы поехали за покупками. Мы двигались в замедленной съемке, слоняясь по каждому проходу, изучая каждую блузку от воротника до нижней кромки. Сначала меня мучило все нарастающее нетерпение: почему мы так долго не можем найти подходящую одежду? Потом меня озарило: маме было все равно, что купить. Она хотела провести время со мной. Поэтому я притормозила. Мы с ней пообедали. А потом я отвезла ее в два других торговых комплекса. В последнем магазине мы нашли целую вешалку с одеждой, которая маме понравилась. Я купила ей все, что подошло по размеру.

Перед тем, как отвезти ее домой, я настояла на десерте. В конце концов, это был ее день рождения.

Мы сидели на свежем воздухе и, нежась на солнышке, ложками ели итальянское мороженое. Посторонние видели в нас мать и дочь, лучших подружек, болтающих и непринужденно смеющихся. Было пять часов вечера. Впервые в моей жизни мы провели целый день вместе, только вдвоем.

По дороге домой мама призналась, что ее родители никогда не праздновали ее день рождения. Единственное запоминающееся торжество было, когда ей исполнилось шестнадцать: друзья узнали о дне ее рождения.

Мама поблагодарила меня за поход по магазинам, обед и десерт. Она больше походила на девочку, чем на семидесятипятилетнюю женщину, когда сказала мне: «Это лучший день рождения в моей жизни».